

– Поскольку бесконечно муссируется вопрос о том, зачем ты пришел в Театр Маяковского, скажи, как ты для себя на него отвечаешь?

– Если быть совсем откровенным, то мои планы после прошлогоднего пятидесятилетия сводились к тому, чтобы начать вести спокойный образ жизни. Работать потише, никуда не торопиться. Уделить больше внимания сыну, который стал уже совсем взрослым. Хотелось просто заняться жизнью – ведь не один же театр, есть и еще что-то. Но вышло все с точностью до наоборот. Театр Маяковского – возможность каких-то новых для меня рубежей: новое пространство, новые задачи, другой масштаб – во всех смыслах! Отказаться от такой возможности еще раз проверить себя, наверное, значило бы спастись, испугаться. А кроме того, я люблю этот театр, и благодарно помню Гончарова, когда-то пригласившего меня в нем работать.

– Это не слова?

– Ну почему же слова? Еще в 1986 году, увидев на курсе у Эфроса мой спектакль “Уроки музыки”, Гончаров предложил мне поставить эту пьесу у него в театре. Но то же предложил и Эфрос – естественно, я начал репетировать на Таганке. Тогда Гончаров предложил другую работу – так я поставил в Театре Маяковского “Жанну” Галина. Потом Эфрос умер, “Уроки музыки” на Таганке были закрыты, и Гончаров вновь позвал меня к себе. В итоге “Уроки музыки” стали моей второй работой в Театре Маяковского. Причем он ни разу ни во что не вмешался, ничего не тронул. Пока – и на выход. Как я после этого могу к нему относиться?

Кроме того, в этом театре работают мои друзья, с которыми я связан и творчески, и человечески. Конечно, и честолюбивые помыслы имели место. Однако когда поначалу речь зашла о том, что мне придется пойти на массу компромиссов для того, чтобы сесть в это кресло, я сказал, что кресло как таковое никаким стимулом для меня не является, в этом плане я абсолютно самоудовлетворен. И что мне хотелось бы что-то сделать – но только при условии полных полномочий по всем вопросам.

– И теперь ты вникаешь абсолютно во все, от уборщиц до народных артистов?

– Естественно. Как и на Покровке. А иначе и быть не может. Постепенно создается круг людей, относящихся к этому так же, как я. Тогда я смогу во что-то не вникать, зная, что все происходит как должно. Это трудно, но такая команда вроде намечается: людей, которые хотят вместе со мной что-то сделать.

– Полгода прошло. Стало легче?

– Значительно легче. Состоялось самое главное: спектакль. В очень жестких временных и человеческих условиях, не ломая ни уже сложившихся планов арти-

Сергей АРЦИБАШЕВ:

«Чувства добрые театром пробуждать»

стов, ни планы театра, я сумел вклинить и в кратчайший срок выпустить спектакль. И процесс работы артистам как будто понравился, и результатом они довольны.

– Ощущение, что артисты сами испытывают наслаждение от спектакля?

– Да, внутри спектакля атмосфера очень хорошая, им нравится, спектакль играется в удовольствие, хоть это и очень тяжелая работа.

– Давай вернемся к Покровке. Как все же была воспринята твоя “измена”?

– Конечно, очень болезненно. Состояние было шоковое. Решили, что я ушел. Потом уже увидели – не ушел, выпустил “Старшего сына”, буду продолжать вместе с ними играть. Постепенно все немножко успокоилось. Вчера был сбор труппы, сегодня я здесь целый день. С каждым – обычный, как всегда в начале сезона, разговор, есть планы на дальнейшее. Хотя понятно, что сейчас моя главная боль: как разворачивать большой корабль, более неповоротливый вследствие своих размеров.

– А на этом корабле – к какой цели ты все же стремишься в итоге приплыть? Ведь Театр на Покровке абсолютно твой театр, от пола до потолка, от гвоздя до ведущего артистов. Думаешь ли ты, что и в Театре Маяковского можно достичь того же?

– Должно. Хотя, конечно, исходные позиции совершенно разные. Но очень бы хотелось. Я ведь, что бы про это ни говорили, продолжаю ратовать за театр-дом. Хотя, как в любом доме, там всякое разное бывает. Но дом на самом деле великое достижение именно русского театра. А потом, смотри, ведь сегодня и антрепризы хотят обрести свой дом: бродяжничество надоело, нужно пристанище, пристань. Что же касается негативных сторон государственных театров – и главная из них, невозможность ни с кем расстаться, прикованность навеки, – так ведь современное законодательство эти цепи снимает. Я имею в виду переход на контрактную основу. Процесс болезненный, но он обязательно должен происходить. Да ведь и в МХТ так было: пайщики, сотрудники, вспомогательный состав. В конце каждого сезона контракт продлевался или не продлевался. Крепостная система

возникла уже потом, при советской власти, и называлась “стабильностью”. Неработающий артист в театре – это плохо. А в Театре Маяковского таких много.

– И что с ними делать?

– Дать возможность проявить себя. Я собираюсь так построить этот сезон, чтобы каждому найти работу, роль, где можно было бы показать, на что человек способен, к чему стремится. С большинством первое знакомство произошло, хотя бы на уровне “увидеть лица”. Теперь надо дать работу, в первую очередь “молодежи”, – артистам, которые сидят в театре по восемь-десять лет, ничего практически не сделав. А кого-то, быть может, такое прозябание и устраивало, а кто-то привык. Надо понять их возможности и их стремления.

– На Покровке пока ставить не будешь?

– Пока нет. Сейчас здесь приступили к репетициям сразу два режиссера: мой соратник Василий Федоров делает “Войтальницу” Лескова, а Михаил Мокеев – “Дикарку” Островского.

– Ревнуешь?

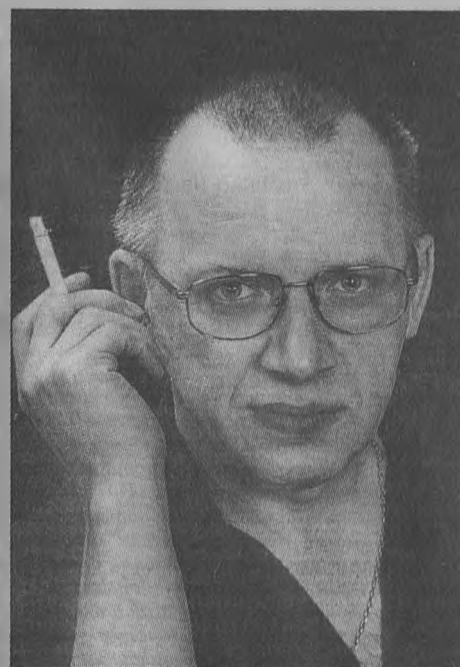
– Я же понимаю, что надо дать артистам возможность работать. Я ведь перед ними в долгу, что же понапрасну ревновать. Хотя все равно “присматриваю”. Уровень, стиль Театра на Покровке должны сохраняться.

– Таким образом, в перспективе должен наступить момент, когда в Москве будет два разных театра Арцибашева?

– В идеале да, хотя, повторяю, что касается Театра Маяковского – это долгий путь. Но хотелось бы, чтобы по каким-то основным задачам – профессиональным, человеческим, нравственным – так бы произошло.

– А как бы ты сформулировал, что такое театр Арцибашева, по самой сути?

– Каковы бы ни были иронические и саркастические суждения на сей счет, театр это все равно храм. А стало быть он должен быть душевным, воспитательным, нравственным. Это театр, где сутью сценического действия становится борьба добра и зла. Где в этой борьбе проявляется человеческое достоинство, где человек свободен в своем выборе и несет за него ответственность. Понимая всю сложность этих проблем, понимая, что ад и рай в нас самих. Необходимо, чтобы и для

зрителей, и для исполнителей этот театр становился опытом жизни: если можно, увидев на сцене, понять, что какой-то путь ведет в тупик, зачем испытывать его в жизни? Так выберите другой. Конечно, все это не должно восприниматься лекцией или проповедью, но суть должна быть именно такая: попытка публичной исповеди, когда люди вместе, сообщая, проигрывают, проживают историю чьей-то жизни. Актеры и зрители вместе. Вот это мне важно, и если бы с такими ощущениями выходили зрители из зала, я бы понимал, что задуманное удалось. Чтобы увиденное потом в них прорастало. Короче, в идеале хотелось бы “чувства добрые театром пробуждать”, пробуждать возвышенный образ мыслей – чтобы не поглощала все наши помыслы житейская “горизонталь”, чтобы думали и о “вертикали” тоже.

– Скажи напоследок что-нибудь относительно перспектив своей “спокойной жизни”, и на этом поставим точку.

– Никаких перспектив спокойной жизни нет в помине. Предстоят “Братья Карамазовы”, кроме того хотелось бы параллельно сделать и несколько менее масштабных вещей. Так что “покой только снится”, и главная задача сегодня: максимально освободить себя от всего отвлекающего. Потому что день, прожитый без репетиций, для меня мучительный и абсолютно пропащий. Не было репетиций, значит, я творчески ничего не сделал. Хотя я, конечно, понимаю: для того, чтобы люди пошли за мной, мне нужно объяснить, куда идем и чего добиваемся. А чтобы научиться понимать друг друга с полуслова, необходимо время. Но я надеюсь.